

донъ (IX₁₁), Еврейски Армагеддонъ (XVI₁₆). Но все сказанное доселѣ есть только приготовленіе къ рѣшенію задачи. Надобно взяться и за самое рѣшеніе. Но какъ? Ужели перебирать имена, которыя могутъ быть переложены въ число 666? Чтобы къ рѣшенію дѣла поставить твердое основаніе, съ устраненіемъ и произвола, и напрасной, даже странной работы—прикидывать къ этому числу разныя имена, обратимся къ слову Божію. Посмотримъ, какъ въ словѣ Божіемъ именуется тотъ врагъ вѣры и Церкви, который въ XIII-й гл. Апокалипсиса представляется подъ образомъ звѣря.

Во II-й гл. 2-го посл. къ Солуныямъ читаемъ: *Молимъ же вы, братіе, о пришествіи Господа нашего Иисуса Христа... да никтоже васъ прельститъ ни по единому же образу; яко аще не приидетъ отступленіе прежде, и открытася человекъ беззаконія, сынъ погибели, противникъ и превозносяйся паче всякаго глаголемаго Бога или чтилища, и проч. (1—3)*. Самого человека беззаконія, сына погибели, или послѣдняго великаго врага Церкви—антихриста разумѣть нельзя подъ звѣремъ, при всемъ множествѣ антихристіанскихъ свойствъ послѣдняго; ибо послѣдній врагъ Церкви, въ Апокалипсисѣ, является не въ образѣ звѣря, имѣвшаго до того времени уже быть низверженнымъ въ озеро огненное, а въ образѣ Гога и Магога, обольщаемыхъ Сатаною (XX, 8 сл. XIX, 20). Но Апостолъ Павелъ предрекъ, что явленіе и самаго Антихриста должно быть предупреждено отступничествомъ отъ Христа, имѣвшимъ открытася въ самомъ христіанскомъ мірѣ: *придетъ отступленіе прежде, ѣ аlossolia*. Апостолъ не прибавляетъ къ сему еще ни одной новой, болѣе частной и опредѣлительной, черты; видно, что онъ провидитъ въ судьбахъ Церкви цѣлую эпоху, имѣющую этотъ характеръ *аlossolia*,—отступничество. Въ ряду судебъ Церкви, открываемыхъ въ Апокалипсисѣ, періодъ отступничества и открывается въ XIII-й гл. Апокалипсиса, какъ мы видѣли изъ изъясненія этой главы¹⁾. Итакъ теперь остается намъ отвлечен-

¹⁾ Кроме обольщенія отъ самого Антихриста, невидно въ Апокалипсисѣ другою подобнаго состоянія міра христіанскаго; ибо выше сначала, какъ знаемъ, идетъ откровеніе объ Иудеяхъ, далѣе о гонителяхъ язычникахъ, о еретикахъ, о магометанствѣ, о папствѣ, а ниже постѣ гибели звѣря, преобладаніе котораго изображается въ XIII гл. Боговраждебная на землѣ ложь указываетъ уже въ явленіи самого Антихриста.

ное имя *ἀποστασία*, обратить въ конкретное имя человека (ибо число звѣрино число человѣческо есть, т. е. число имени звѣря разумѣется въ Апокалипсисѣ, какъ число имени человѣка) и затѣмъ переложить это имя на число: и если выйдетъ именно 666, то и рѣшеніе будетъ сдѣлано и оправдано самимъ Апокалипсисомъ. Имя человека, въ которомъ осуществилась бы *ἀποστασία*—отступничество, (или сказать по школьному конкретное понятіе, соответствующее сему отвлеченному) есть *ἀποστάτης* (отступникъ).

Греческое <i>ἀποστάτης</i> : α	1
π	80
ο	70
ς	6
α	1
τ	300
η	8
ς	200
	666

Итакъ загадочная тайна объяснена. Но почему Апостоль Тайнозритель не прямо, а числомъ, выразилъ имя Богоотступническаго разума? Вообще по таинственному характеру книги и въ особенности для указанія на сокровенный образъ отступничества, какъ сокровенно имя звѣря подъ числомъ 666. Есть у нѣкоторыхъ неразумныхъ ревнителей несчастная нечеловѣколюбивая склонность клеймить именемъ „отступника“ всякаго несоглашающагося и даже иногда только кажущагося несогласнымъ не только съ чѣмъ либо существеннымъ въ вѣрѣ, но и съ несущественнымъ и наружнымъ въ православномъ христіанствѣ. Такое неразуміе нѣкоторыхъ да вразумится тѣмъ, что само Божественное Откровеніе не прямо и открыто поставило, а глубоко затаило это погубительное имя „отступника“. И въ самомъ дѣлѣ, если Самъ Господь Богъ Слово, ставъ *плотію* или полнымъ и совершеннымъ человѣкомъ не только по душѣ, но и по тѣлу, и это именно въ пользу людей грѣшныхъ, заблуждающихся, погибающихъ, за которыхъ Онъ, до исполненія мѣры Своего долготерпѣнія, стоитъ собственнымъ вочеловѣчившимся „Я“: то расчислить вѣрно и точно, насколько кто отступаетъ отъ духа вочеловѣченія Христова, безсознательнаго со-

стоянія Его во чревѣ Матери, въ младенчествѣ и т. д., истинно никто не можетъ кромѣ Самого же Христа. Но Ему это извѣстно съ такою же строгою точностію, какъ точно число 666, выражающее или опредѣляющее собою имя: *ἀλοζότης, отступникъ*. Апокалипсисъ не даетъ мѣста неразумной, нечеловѣколюбивой ревности инквизиторовъ, но нисколько не потакаетъ и отступничеству...

Въ подтвержденіе и вмѣстѣ въ объясненіе показаннаго значенія числа звѣринаго, въ разсматриваемой главѣ Апокалипсиса надобно услѣдить еще новыя, нами не выставленныя на видѣ черты:

1. Въ изображеніи обольщенія, производимаго звѣрообразнымъ разумомъ. Апокалипсисъ беретъ черты съ языческаго обоготворенія тварей. Такъ увлеченіе разумомъ и вѣра въ него представляется, какъ поклоненіе звѣрю (ст. 4). Образованность, развитая въ соотвѣтствіе сему звѣровидному разуму, представляется какъ нѣкоторый, оживленный противохристіанскою литературою, идолъ, которому также воздается поклоненіе (ст. 15). Самое впечатлѣніе (ст. 16), производимое лжемысленной словесностію въ образѣ мыслей или въ правилахъ внѣшней дѣятельности идолопоклонниковъ разума, названо такимъ именемъ, которымъ въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ названы идолъскія изображенія—*ἱεράματα*, начертаніе (см. Дѣян. XVII, 29); такъ что духовные идолопоклонники дѣлаются чрезъ эти начертанія и сами подобными идоламъ, по сказанному въ псалмѣ объ идолопоклонникахъ: *подобни имъ да будутъ творящии я и вси напьющися на ня* (пс. СХІІІ, 16). И притомъ это духовное язычество и идолопоклонство, которое въ новозавѣтныя времена является, по Апокалипсису, столь же обольстительнымъ для міра и также распространеннымъ повсюду, сколь обольстительно и повсюдно было въ ветхозавѣтныя времена языческое обоготвореніе тварей и истукановъ, представляется въ Апокалипсисѣ возникшимъ и усилившимся собственно въ христіанскомъ мірѣ. (Ибо одна глава того мысленнаго звѣря, которому поклоняются обольщенные, котораго образъ чувствуется также поклоненіемъ,—была, какъ выше изъяснено, поражена мечемъ слова Божія и исцѣлѣла чрезъ освобожденіе отъ подчиненія слову Божію). Такойъ духъ времени имѣетъ мѣсто собственно въ ослабѣвшихъ въ вѣрѣ и потому

совсѣмъ отпавшихъ отъ нея. Это въ отношеніи къ Новому Израилю подобно тому, какъ чрезъ поклоненіе Ваалу или другимъ языческимъ идоламъ Ветхій Израиль отступалъ отъ Іеговы. Итакъ строго точное имя сего звѣря есть именно это: „отступникъ, ἀποστάτης, котораго число есть 666.

2. Провозвѣстникъ звѣря или лжемысленная литература изображается въ Апокалипсисѣ чертами, взятыми съ поддѣлывающихся подъ достоинство пророковъ, какъ ниже этотъ второй звѣрь и названъ лжепророкомъ перваго. Но лжепророки если не были мнимыми пророками прямо языческихъ божествъ, каковы Вааловы, закланные пророкомъ Иліею, то были такіе самозванцы, которые, говоря самозванно отъ имени Іеговы, вели Израильтянъ, какъ и первые, къ отступленію же отъ Іеговы. Итакъ духъ этихъ лжепророковъ есть именно обольститель—духъ отступничества, ἀποστάτης.

Сказанное въ оправданіе значенія числа звѣринаго, вмѣстѣ съ симъ, еще объясняетъ намъ слѣдующую важную особенность въ общемъ 'смыслѣ XIII главы Апокалипсиса: языческое обоженіе тварей или идолопоклонство, также явленіе лжепророковъ, противъ чего въ Ветхомъ Завѣтѣ столько есть обличеній и прещеній, по видѣнію Тайнозрителя имѣли повториться въ христіанскія времена—именно въ обоготвореніи человѣческаго разума, въ лжемыслии науки и литературы, въ идолѣ образованности.

Теперь оправдаемъ раскрытый смыслъ главы самыми событіями, которыми притомъ окончательно объясняются разсмотрѣнные нами образы Іоаннова видѣнія. Но напередъ напомнимъ себѣ, что, въ дѣйствительности болѣе или менѣе совмѣстная съ Боговраждебною стороною лжи, сторона благопріятнѣйшихъ Церкви явленій и грозныхъ для лжи судебъ Божіихъ раскрывается *далее* (въ XIV-ой гл.) въ Апокалипсисѣ, а здѣсь (въ XIII-ой гл.) изображаются собственно проявленія и дѣйствія Боговраждебной лжи, съ указаніемъ только главныхъ точекъ соприкосновенія этой стороны дѣйствительности съ другою. Такъ кромѣ начальнаго (въ 1 ст.) тайнознаменательнаго указанія на духъ Апостольскій, оказавшійся на пескѣ, въ 10 ст. прямо сказано: *здѣ есть терпѣнкіе и вѣра святыхъ*, а въ 18: *здѣ мудрость есть. Иже имать умъ* и проч. Эти же явленія указаны и ниже въ ряду судовъ Божіихъ надъ успліяицъ лжи (ст. 12, гл. XIV): *здѣ есть терпѣ-*

плѣніе святыхъ, иже соблюдаютъ заповѣди Божія и вѣру Иисусову, и еще (въ XVII-ой гл. 9 ст.): *здѣ укъ, иже имать мудрость*. Итакъ, за исключеніемъ только сихъ главныхъ точекъ соприкосновенія одной стороны съ другою, для оправданія смысла XIII-ой главы, мы должны слѣдить въ дѣйствительности только образъ проявленія и дѣйствій враговъ Божіихъ.

Приступимъ къ дѣлу!

Когда ненасытное властолюбіе и усилія папства, направляясь противъ Восточнаго Православія, встрѣтили себѣ преграду въ окончательномъ подчиненіи Востока подъ власть магометанъ и обратились къ очищенію самаго Запада отъ оказывающихся и здѣсь сѣмянъ справедливаго несогласія на преобладаніе и заблужденія папства; въ это самое время противоборство папству на Западѣ открылось, повидимому, въ духѣ и съ самоотверженіемъ Апостольской ревности по Божественной истинѣ, извращенной папствомъ. Лютеръ во имя слова Божія отвергалъ высокоумныя притязанія папы. Возьмемъ изъ его исторіи лучшую страницу, которою гордятся лютеране. Лютеръ, призванный на имперскій Сеймъ въ Пармѣ, былъ убѣжденъ, говоритъ Лоренцъ, что здѣсь ожидаетъ его участь Гуса, однакожь съ неустрашимостію отправился туда. Душа его, говоритъ тотъ же принадлежащій лютеранству историкъ,—была полна высочайшихъ чувствованій, и можно себѣ представить, какое впечатлѣніе оставлялъ онъ вездѣ, гдѣ только останавливался и проповѣдывалъ, а дѣлалъ онъ это почти во всѣхъ большихъ городахъ, чрезъ которые пролегалъ его путь... Моя совѣсть, говорилъ Лютеръ, предстоя Имперскому Собранію, совершенно занята словомъ Божіимъ (см. Ист. Лорен. ч. 3, отд. 1, стр. 23—25). Не надобно твердо признать ту правду, что насколько этотъ преобразователь западнаго христіанства (какъ и другой ему подобный) съ ревностію и силою дѣйствовалъ собственно противъ лжи папства, настолько онъ, съ своими соревнователями поднимался, въ своемъ проповѣданіи, къ чистому апостольскому духу. Нѣтъ нужды раскрывать это въ подробностяхъ.

Къ сожалѣнію это высокое служеніе слову Божію и ревность по Божественной истинѣ, во имя которой Лютеръ мужественно возсталъ противъ самозваннаго главенства папы, въ немъ самомъ держались на морскомъ пескѣ личныхъ воззрѣній, не утвержденныхъ практическимъ духовнымъ

совершенствомъ, напротивъ подверженныхъ вліянію мірской жизни и духа времени. „Я вѣрю, говоритъ онъ предъ тѣмъ же Имперскимъ собраніемъ, только свидѣтельствамъ Священнаго Писанія или яснымъ причинамъ“. Но господствующимъ началомъ для разумѣнія свидѣтельствъ Священнаго Писанія и мѣриломъ для взвѣшиванія ясныхъ причинъ, былъ собственный его разумъ, неограничиваемый никакимъ авторитетомъ, знать не хотящій никакого руководства и контроля, и слѣдовательно вѣрующій собственно въ себя самого, какъ владыку и судію истины. Посему, начавъ свое дѣло отверженіемъ индульгенцій по случаю продажи ихъ Тецелемъ, Лютеръ отчасти противоборствомъ защитниковъ папства, отчасти встрѣчаемымъ всюду сочувствіемъ къ себѣ, и вообще, теченіемъ случайныхъ обстоятельствъ и столкновеній или отношеній увлеченъ былъ до того, что ниспровергаль вмѣстѣ съ антихристіанскимъ главенствомъ папы, и всѣ уставы церковнаго устройства, утвержденные святыми отцами и Соборами, отвергнувъ большую часть таинствъ, тайноводство священства, священное достоинство Богоносныхъ отцовъ и проч. и проч. и так. обр. во многихъ отношеніяхъ разорилъ и похулилъ дѣло Божіе, каково все истинное въ Церкви. Мало сего, признавая оправданіе человѣка только вѣрою безъ оправданія самой вѣры дѣлами, Лютеръ чрезъ это допускалъ естественной человѣческой грѣховности дѣйствовать въ вѣрующемъ невозбранно, къ униженію не только христіанскаго, но и просто человѣческаго достоинства. Въ такомъ преобразованіи Западнаго христіанства, сколь ни справедливо оно относительно папскихъ заблужденій и притязаній, нельзя не примѣтить, съ другой стороны, выступающаго изъ моря мірскихъ волненій новаго звѣрообразнаго врага истинной вѣры и Церкви Христовой, именно вѣрующаго только въ себя человѣческаго разума, съ хульными началами, съ уполномочіемъ и увѣнчаніемъ противоборныхъ истинъ и добру стремленій, какъ прозрѣваль его за 15 или 14 столѣтіи Іоаннъ Богословъ. И въ самомъ дѣлѣ, въ различныхъ частяхъ Германіи народъ не замедлилъ сдѣлать подлинно-звѣрское, неожиданное и отвергнутое самимъ Лютеромъ, но тѣмъ не менѣе логическое примѣненіе ученія его о своенравной свободѣ вѣры и о своевольной независимости въ разумѣніи и употребленіи Св. Писанія:

считалъ себя вправѣ возставать противъ всего, что въ его отношеніяхъ, по его понятіямъ, противорѣчило Евангелію: и такъ обр. мятежнически возсталъ противъ политическаго порядка (рѣчь о такъ называемой *крестьянской войнѣ*). Народъ думалъ, какъ онъ самъ выражался, споспѣшествовать утвержденію Божескихъ правъ.— Это впрочемъ не вразумило ни самого преобразователя, ни его послѣдователей.

Нужно-ли говорить, какъ папство, несмотря на свое видимое противоборство новому духу времени, въ дѣйствительности уступало ему свое нравственное преобладаніе на Западѣ, само своими злоупотребленіями приготовивъ и возбудивъ потребности и стремленія къ предлагаемому теперь освобожденію отъ собственныхъ его оковъ? Лютеранство еще при Лютерѣ ввело въ Пруссію, Саксонію, въ Гессенъ; въ нѣсколько лѣтъ была совершенно преобразована въ отношеніи къ церкви вся Сѣверная Германія. Не замедлили появиться и другіе опыты преобразованія христіанства въ томъ же духѣ разума, независимо дѣйствующаго по собственному усмотрѣнію, каковъ изобрѣтенный въ Швейцаріи и имѣвшій большой успѣхъ во Франціи кальвинизмъ, каково совершившееся преобразование церкви въ Англіи при Генрихѣ VIII-мъ. Въ шестнадцатомъ же еще вѣкѣ весь сѣверъ западной Европы былъ уже покоренъ *великой области* новаго духа времени, уступленной ему здѣсь духомъ папства. Такъ и внѣшнимъ образомъ этотъ змій долженъ былъ отдать новому духу времени *силу свою и престолъ свой и область великую*. А главное, внутренняя сила лжи папизма, составляющая самый престолъ сатанинскаго обольщенія людей, состоящая именно въ мечтѣ самообожанія („будете, яко бози“), раскрывшаяся въ папизмѣ чрезъ притязаніе чловѣка на самовластительство и верховенство въ дѣлѣ истины,— эта самая сила и передана папизмомъ новому духу времени: Лютеръ присвоилъ своему разуму (и положилъ основаніе для присвоенія того же и вообще разуму чловѣка) ту же сатанинскую претензію быть самовластителемъ въ дѣлѣ истины, какая принадлежитъ папству. Вѣрующіи собственно въ себя разумъ чловѣчскій, по такому духу, есть также своего рода папа—самозванный глава міра; и ужасная обязательность этого обольщенія ощутительна еще донынѣ. Такъ *даде звѣрю змій силу свою и престолъ свой и область великую*.

Но въ XVI-мъ вѣкѣ и въ началѣ XVII-го в. вѣрующіи въ себя самого разумъ, по крайней мѣрѣ, подвизался въ дѣлѣ религіи, и хотя былъ самъ господствующимъ началомъ въ разумѣніи Св. Писанія, но дѣйствовалъ во имя Божественной истины. Усилія папства къ поддержанію своего зданія противъ преобразованій, религіозныя войны и распри между римскими католиками и протестантами возбуждали и поддерживали въ сихъ послѣднихъ ревность религіозную; и въ семъ отношеніи вѣрующій въ самого себя разумъ преклонялся подъ мечъ слова Божія. Рана, наносимая симъ мечемъ новому духу времени казалась смертельною: ибо вѣра во Христову истину, содержащуюся въ Св. Писаніи, болѣе или менѣе поддерживала въ душахъ дѣйствіе, по крайней мѣрѣ, благодати крещенія, облакающей христіанина во Христа. И въ самомъ дѣлѣ, ревность религіозная, въ области преобразованнаго христіанства, возбуждалась до готовности на всякія самопожертвованія и на тяжкіе продолжительные подвиги, какъ, напр., это было въ тридцатилѣтнюю войну въ первую половину уже XVII-го вѣка. Но въ тридцатилѣтнюю войну, говоритъ Лоренцъ, истошилась и перебушевалась религіозная ненависть; съ увеличеніемъ терпимости всѣ сдѣлались хладнокровнѣе къ различіямъ въ вѣрѣ. Духъ, преимущественно вращавшійся доселѣ въ религіозной и догматической области, обратился теперь къ другимъ областямъ знанія. вмѣсто догматики является философія. Новѣйшую философію—продолжаетъ тотъ же историкъ,— характеризуетъ то, что она началась сомнѣніемъ и совершенно отвлеклась отъ вѣры и церкви.“ Сказать то же языкомъ Апокалипсиса: *смертельная язва* вѣрующаго въ себя разума *исцѣлила*. Съ отпаденіемъ отъ вѣры во Христа и Его истину, какъ въ единственное вѣрное и живое начало мысли и жизни, въ поклонникахъ разума, необходимо совсѣмъ уже парализовалась благодать самаго крещенія, это самое коренное условіе умственной и нравственной жизни во Христвѣ. Это не замедлило отразиться и въ характерѣ общественной западно-европейской жизни, которая стала управляться человѣческимъ разумомъ, не восходящимъ выше себя самого и слѣдовательно выше земныхъ расчетовъ. Двигателемъ дальнѣйшаго хода европейской жизни сдѣлались идеи политико-экономическія, не возводимыя даже и односторонне

до главы всего земного, какъ и небснаго,—до Христа. Такъ исполнилось въ дѣйствительности, что за столько вѣковъ прозрѣваль святыи Іоаннъ Богословъ въ Богооткрытомъ видѣніи: *и дивися вся земля во слѣдъ звѣря.*

Впрочемъ, такое чрезвычайное усиленіе человѣческаго разума, (падающаго чрезъ отступленіе отъ Христа ниже человѣчества, до губительнаго для человѣчества—духовнаго звѣрства), и въ дѣйствительности, какъ въ видѣніи Іоанновомъ, не вытѣснило на Западѣ папскаго преобладанія. Напротивъ религіозныя войны между римскимъ католичествомъ и преобразованнымъ христіанствомъ показали, что оставшіеся вѣрными первому ревностно покаялись самозванному главѣ Церкви. Это поклоненіе самообожившему себя духу папства, по открытіи въ его области преобразованнаго, человѣческимъ разумомъ христіанства, торжественнымъ образомъ выразилось и на будущее время упрочивалось въ Тридентскомъ соборѣ, канонически опредѣлившемъ все устройство Римскаго католичества. Посему и послѣ того, какъ вѣра въ разумъ человѣческій на Западѣ освободилась отъ подчиненія Божественному откровенію и это стало отражаться въ ходѣ Западно-европейской жизни, — Западъ представлялъ двѣ враждебныя Православію области. Съ одной стороны остающіеся въ вѣрности папству, чтобы соблюсти оную при всѣхъ обольщеніяхъ разума, сами добровольно и съ охотнымъ самоотверженіемъ приносили папѣ дань обоженія, прежде вынуждаемую болѣе страхомъ предъ безмѣрнымъ могуществомъ и все покорявшимъ на Западѣ властолюбіемъ папы (теперь уступленныи духомъ папства уже новому духу времени): *и поклонишася змію, иже даде область звѣрю.* Представителями и вождемъ этой стороны Запада оказались именно Іезуиты, орденъ которыхъ столь много послужившій къ поддержкѣ папства, основался въ XVI вѣкѣ. Съ другой стороны, увлекаемые вѣрою въ разумъ человѣческій, доиди до признанія верховной его самозаконости въ дѣлѣ истины и блага, чрезъ это возвели его дѣйствительно до покланяемаго или мнимо-Божественнаго достоинства. Сверхъ того, съ такою вѣрою въ человѣческій разумъ естественно соединялось невѣріе ко всему, не обсужденному еще или не понимаемому разумомъ: такъ произошла новѣйшая нагло сомнѣвающаяся во всемъ и проникнутая дерзостью какого-то какъ бы власти-

тельства надъ всѣмъ, критика, которая и начала распространять свои до нахальства пытливыя и самоувѣренныя изслѣдованія на всѣ отрасли знанія и на всѣ стороны жизни и всей дѣйствительности. И так. обр. поклонишася звѣрю глаголюще: *кто подобенъ звѣрю? и кто можетъ ратоваться съ нимъ?*

Входитъ-ли намъ во всѣ мраки этой ночи времени, которая такимъ образомъ открылась въ Европейской жизни? Конечно, не только день дни отрыгаетъ глаголь, но и ночь ночи возвѣщаетъ разумъ,—по слову псалмопѣвца о проповѣди небесъ, проходящей во всю землю, какова собственно проповѣдь Апостольская. *Ночь*, провидѣнная и предвозвѣщенная Апостоломъ-Тайнозрителемъ, при сличеніи съ оправдающею сіе прозрѣніе *нощю* дѣйствительности—уже не можетъ поражать или пугать вѣры своею осязательною тьмою, а должна возвѣститъ разумъ Божественной истины, освѣтившей болѣе нежели за тысящелѣтіе и самыя темныя вѣка своимъ небеснымъ свѣтомъ. ¹⁾ Но нѣтъ намъ надобности входить во всѣ темныя подробности гордаго и богохульнаго преобладанія отступническаго отъ Христа разума. Кто не знаетъ не только изъ обширныхъ историческихъ трудовъ, но и изъ учебниковъ по исторіи, какъ именно и особенно въ XVIII вѣкѣ, во имя, звѣровиднаго поистинѣ, разума *хулили Бога, хулили имя Его, и селеніе Его* — Церковь, и живущія на небеси? *Въ брани со святыми* этотъ звѣрь видѣлъ себя до такой степени, по Апокалипсическому предреченію, превосмогающимъ ихъ, что одинъ извѣстный всему міру Богохульникъ или даже вождь Богохульниковъ (Вольтеръ) высокоумно провозглашалъ, будто христіанство, распространенное по всему міру двѣнадцатью человѣками, можетъ быть ниспровергнуто и однимъ человѣкомъ: вотъ съ какой силою и удачею дано бысть разуму, ниспадшему съ высоты человѣческаго достоинства въ звѣрство, *брань творити со святыми и побѣдити я.*—Лжепророкомъ или провоз-

¹⁾ Въ частности о концѣ XVII и о XVIII вѣкѣ желающимъ предлагаемъ прочитать пѣз одной французской книги, имѣвшей предметомъ своимъ услѣдить и изобразить развитіе антихристіанства на Западѣ: „Христосъ предъ судомъ вѣка“. Здѣсь въ своей наготѣ и безобразіи представляются провидѣнныя Тайнозрителемъ звѣрообразныя черты обоготвореннаго разума и въ особенности хульныя его уста, данныя этому губительному духу времени на собственную его пагубу и осужденіе.

вѣстникомъ этого звѣря оказалась именно противокерковная XVII-го отчасти, а главнымъ образомъ XVIII-го вѣка, литература Запада (Англіи, Голландіи, Германіи и по преимуществу Франціи)—это порожденіе уже не моря волнующей-ся въ случайностяхъ жизни мірской, а земли того порядка и характера гражданственности или цивилизаціи, которые образовались уже подъ вліяніемъ и заправленіемъ вѣрующаго въ себя разума. Кто опять не знаетъ, что этотъ новый звѣрь-лжепророкъ выставлялъ на видъ какъ будто *Англичина* рога—филантропію, или братство людей, свободный и раціональный духъ и под., а самъ дѣйствовалъ своимъ словомъ, какъ *змія*,—съ изворотливою безошадностію и деспотическимъ высокоомѣріемъ, свойственными духу только гордаго папистическаго самозваннаго главенства? Эта льстивая и гордая противохристіанская литература овладѣвала всѣми чудесами жизненныхъ и научныхъ открытій и изобрѣтеній и. популяризируя ихъ, обращала ихъ въ славу самообоженаго разума, обаятельную силу котораго она раскрывала въ себѣ; въ особенности же, блистая ослѣпительнымъ остроуміемъ и пламенѣя увлекающимъ чувствомъ и энергическою силою, она въ этомъ показывала новое — обольстительное чудо какъ-бы низведенія Божественнаго небснаго огня въ среды земныя. Подъ вліяніемъ этой Христовраждебной литературы, воспроизведшей въ себѣ духъ древнихъ лжепророковъ, и развилась въ Западно-европейскомъ мірѣ ложная образованность—живая копія съ буйствующаго и гордящагося своею независимостію отъ Самого Христа и потому звѣровиднаго разума. Нѣтъ нужды распространяться о томъ, что этотъ одушевленный идолъ лжеименнаго разума — чуждая Христу образованность кладетъ свою губительную печать на образъ жизни или на образъ мыслей людей всякаго возраста, состоянія и званія,—что она лишаетъ всякаго живого значенія въ свѣтѣ всякаго человѣка, отказывающагося принадлежать къ числу ея поклонниковъ, — что наконецъ она не позволяетъ никому, кромѣ своихъ поклонниковъ, пускаться что-либо въ живой ходъ въ свѣтѣ, въ оборотъ общественной жизни и ея потребностей... А страна, мнящаяся задавать всему міру тонъ по образованности, послужившая особенно открытымъ поприщемъ для противохристіанской литературы и даже вводившая у себя видимое служеніе или

культъ отступническаго разума, эта страна (Франція во время революціи) видимо же или почти буквально выполняла на себѣ слово Откровенія; *и сотворитъ, да, иже аще не поклоняются образу звѣриному, убіени будутъ, и сотворитъ вся малыя и великія, богатыя и убогія, свободныя и работныя, да дастъ имъ начертаніе въ ихъ умахъ или во внѣшней дѣятельности; да никтоже возможетъ ни купити, ни продати, токмо кто имать это начертаніе.* Тутъ-то съ особенною поразительностію надъ римскимъ католичествомъ, вообще посягающимъ на духовную свободу христіанъ и иногда буквально поднимавшимъ беспощадный мечъ противъ даже беззащитныхъ христіанъ, неподчинявшихся папѣ (какъ то было напр., въ избіеніи около 30000 гугенотовъ въ *Варроломеевскую ночь*), исполнился вотъ этотъ апокалипсическій Божественный приговоръ: *иже аще въ плѣнненіе ведетъ, въ плѣнненіе пойдетъ; аще кто оружіемъ убіетъ, подобаетъ ему оружіемъ убіену быти.* Христіане римско-католической Франціи и особенно духовные были, среди террора революціи, томимы въ тюрьмахъ и истребляемы. Но зато здѣсь же открылось, по Апокалипсису, и поприще истиннаго христіанскаго терпѣнія и *вѣры святыхъ* сореволюціонеровъ древняго мученичества. Тутъ и *звѣрство* отступническаго отъ Христа разума и его провозвѣстника—противоцерковной литературы, звѣрство, воспроизводящее въ себѣ звѣрей Даниилова видѣнія и особенно Антиоха Епифана,—вышло наружу, можно сказать, до открытой наглядности.

Впрочемъ самоувѣренный, невѣрующій Христу, разумъ не скрываетъ своего звѣрообразія, какое обозначено въ Апокалипсисѣ. Онъ любитъ рисоваться *барсовымъ* видомъ—символомъ языческаго эллинизма, увлекательною оборотливостію въ движеніи лъстивыхъ мыслей, хитрою на уловленіе и пагубу людей ловкостью. Но и *медвѣжьи* ноги персидскаго сластолюбія, нравственной распущенности, потворства чувственности, составляютъ слишкомъ замѣтную принадлежность духа поклонниковъ разума. О принадлежащихъ тому же духу *львиныхъ устахъ* вавилонской гордыни, и особенно—горделиваго слова, и говорить излишне. Вотъ какими мрачными чертами исторія обозначаетъ разныя ученія этого, подлинно лженменнаго, разума и непреодолимое какое-то обаяніе губительства, имъ распространяемое: „подобныя уче-

нія, грозившія сокрушить все высшее, объявившія добродѣтель и мораль глупостью, убивавшія духъ и фантазію и восхвалявшія удовлетвореніе чувственности какъ высшую мудрость, возбуждали неудовольствіе всѣхъ благомыслящихъ людей. Однако высшее общество не только во Франціи, но и во всей Европѣ, удивлялось таланту и легкому остроумію этихъ писателей, съ восторгомъ читало ихъ сочиненія и болѣе или менѣе раздѣляло ихъ правила. Правители, какъ Фридрихъ II-й, Густавъ III-й Шведскій, Карль III-й Испанскій, Екатерина II-я Россійская,—государственные люди... и другія значительнѣйшія лица *всѣхъ сословій и націй* состояли въ личныхъ или письменныхъ сношеніяхъ съ большинствомъ этихъ писателей и удивлялись ихъ произведеніямъ“ 1). Такъ *дана бысть* этому звѣрю *область на всякомъ колѣнѣ и на языцѣхъ и на племенѣхъ*. Звѣрскій духъ времени, какъ ураганъ, всюду носился въ мірѣ, проявляя себя, разумѣется, не вездѣ одинаково, а сообразно той или другой средѣ. Такъ въ средѣ магометанской онъ полагаетъ основаніе. такъ называемой, „юной Турціи“, состоящей изъ мечтающихъ Западно-европейскую цивилизацію, въ нехристіанскомъ ея направленіи, ввести въ магометанскій міръ для его поддержки. Въ православной же Россіи, при сближеніи ея съ европейскимъ Западомъ. Западная отступническая отъ Христа вѣра въ разумъ дониндѣ еще у многихъ изъ насъ связана съ самымъ просвѣщеніемъ или съ дѣломъ науки; а прежде новѣйшаго сближенія нашего съ Западомъ, звѣрообразное направленіе самочиннаго, хулящаго благодать и Церковь Божію, разума, начавъ опустошать Западъ, отразилось у насъ въ Россіи — именно въ грубомъ до звѣрства своемыслии раскола, въ хульномъ протестѣ его противъ Церкви и благодати православія 2).

Какъ однако ни обширно и сильно губительство для человѣчества, производимое этимъ звѣремъ, слово откровенія.

1) Смолр. Курезъ всеобщей исторіи Д. Г. Вебера. Стр. 12. Том. 4. Вып. 8.

2) Позднѣйшіе наши поклонники разума сами чувствуютъ и засвидѣтельствовали внутреннее свое сродство съ старыми раскольниками: извѣстно, что дѣтели „Современника“ не опускали случаевъ высказываться за прогрессивное значеніе нашего раскола, а заграничныя напн герценности усилявались и внѣшнимъ образомъ соединиться съ раскольниками.

здѣ, въ средѣ духовнаго преобладанія звѣринаго, *мудрость есть*, сказано не напрасно; оно оправдалось событіями. Уже съ самую реформаціею, которая, при достойномъ Евангеліа духѣ ревности противъ лжи и злоупотребленій папства, дала мѣсто и первымъ движеніямъ звѣря своевольной антицерковной мысли, внутренно соединено, такъ называемое, *возрожденіе наукъ* послѣ средневѣковыхъ сумраковъ. И въ самомъ адскомъ разгарѣ противохристіанскаго своемыслія, когда съ наглостію „религіи христіанскаго Откровенія“ противопоставили, какъ говоритъ исторія (Веберъ), основанную на чувственномъ познаніи вѣру разума, та же исторія указываетъ и *громадную борьбу противъ вѣжковаго рабства и закоренѣлыхъ заблужденій*“ Западнаго религіозно-гражданскаго міра. Звѣрь собственно только—антихристіанское направленіе мысли или разума, а не самое существо разума; разъясненіе природы вѣдѣшней и человѣческой, исторіи и современной дѣйствительности, всѣ открытія и развитіе науки,—дѣйствительные успѣхи цивилизаціи—все это само по себѣ, или въ отрѣшеніи отъ святотатственнаго перетолкованія всего этого въ славу и обожаніе человѣческаго разума, есть неотъемлемое достояніе *мудрости*. Во всемъ этомъ раскрываются, въ существѣ дѣла, Христовы всеобъемлющія сокровища, подобно какъ любознательный и не рабскій духъ мысли принадлежитъ, въ основаніи своемъ, вѣянію Христоваго любомудраго и властительно свободнаго духа. И если противохристіанское направленіе фальшиво поставляетъ и дѣйствительные предметы и потому глубоко омрачаетъ ложью всякое, не свободное отъ этого направленія знаніе, то и свѣтъ Христовъ, свѣтящійся и во тьмѣ, еще глубже можетъ затаить свои искры и мерцанія въ мракѣ самыхъ заблужденій¹⁾. Поэтому истинно только всесвѣтлое и всепроникающее око Божіе видитъ со всею точностію, насколько въ комъ Апокалипсическій звѣрь XIII-й гл. находитъ свое осуществленіе и насколько кто изъ самыхъ поклонниковъ разума послужилъ свѣту мудрости. А изъ людей *уже имать умъ*, съ благоговѣйною вѣрностію и осторожностію держащійся Христова ума и человѣколюбія, удовольствуется только прочитать въ

¹⁾ Чрезвычайно-поразительные примѣры этого приведены въ кн. „*О православіи въ отношеніи къ современности*“. См. стр. 42—45.

извѣстномъ апокалипсическомъ числѣ имя отступническаго отъ Христа разума, не вдаваясь въ безошадный судъ надъ тѣми или другими личностями, а только безъ уклончивости и потачки отвергая самое отступническое отъ Христа направленіе мысли въ христіанахъ, особенно православныхъ...

На долго ли еще продолжится сила и преобладаніе надъ столь многими христіанами этого звѣря? Апокалипсическое время, назначенное для этого, обнимаетъ, какъ выше мы видѣли, три года съ половиною—время, которое, по сличенію съ подобными апокалипсическими времяопредѣленіями, оправданными уже въ своемъ смыслѣ самыми событіями,—около трехъ вѣковъ съ половиною. Если этотъ срокъ относить вообще къ проявленію и силѣ звѣрообразно-раціональнаго духа времени, то сроку этому—конецъ въ наше время; потому что означенный духъ времени вторгся въ христіанскій міръ, какъ выше показано, еще съ реформаціею христіанства, относящеюся къ началу XVI-го вѣка. Но Апокалипсисъ назначаетъ время для „власти дѣйствовать“ звѣрю уже послѣ того, когда, и пораженная какъ бы на смерть, одна изъ головъ звѣря исцѣлѣла (XIII, V; 3, 6 и сл.), когда, значить, звѣровидный антицерковный разумъ окончательно и всецѣло вышелъ изъ всякой зависимости отъ Христа и Его слова; это исполнилось не прежде XVII-го вѣка. И такъ, видно, еще около столѣтія остается этому звѣрю съ его лжепророкомъ или провозвѣстникомъ—не Христу, въ Его живомъ духѣ, служащею литературою,—губительно вредить христіанскіе умы и души, если Господь ради избранныхъ Своихъ, не сократитъ дней и лѣтъ властительнаго дѣйствія отступническаго звѣря надъ неприемлющими любви къ истинѣ Христовой. И дѣйствительно, не говоримъ уже о Западномъ христіанскомъ мірѣ, ведущемъ дѣло мысли и жизни далеко не по Самому Христу,—въ нашемъ Славяно-русскомъ мірѣ, самое обращеніе котораго ко Христу въ Апокалипсисѣ названо съ великимъ назначеніемъ этому избранному роду проявить въ себѣ Христову благодать *упасти вся языки жезломъ желзнымъ* (см. XII, 5), благодать, имѣющую низложить и оныхъ, воспроизведшихъ въ христіанахъ идолопоклонническій духъ, звѣрей—отступническаго разума и его лжепророка (См. XIX, 20 сл. 15),—и здѣсь господствующее направленіе какъ вѣры, такъ и знанія далеко еще не благо-

пріятствуеъ обезсиленію этихъ враговъ звѣровидныхъ. Самое лучшее въ господствующемъ у насъ направленіи вѣры выражается въ желаніи и исканіи того, чтобы „жизненное начало—страхъ Божій поставить выше мысленныхъ началъ“¹⁾; а о томъ, что самую жизнь на началѣ страха Божія устроить невозможно безъ должнаго подчиненія всего круга нашей жизни *владычественному въ нашемъ духѣ уму* (какъ выражались св. Отцы древности христіанской), объ этомъ нѣтъ еще рѣчи и помышленія у большинства нашихъ дѣятелей вѣры. Самое лучшее въ современномъ у насъ направленіи знанія—въ стремленіи къ тому, чтобы зданіе знанія у насъ утвердить на основаніяхъ солиднаго латино-еллинскаго классицизма (не далекаго, очевидно, отъ подобія *барсу* языческаго эллинизма), а еще не по Христовой истинѣ (увы, людьми знанія не разумѣмой еще въ ея живомъ и свободномъ духѣ и всеобъемлемости). Худшее же въ направленіи у насъ вѣры и знанія разрѣшается въ какомъ-то единодушномъ хуленіи самага принципа Христа—Агнца Божія—ревнителями и вѣры и знанія (вспомните „Русское Слово“, „Домашнюю Бесѣду“). Вдругъ ли еще перейдетъ такое жалкое время, когда *умъ, иже имать мудрость*, находится у насъ явно въ плѣннической вавилонской средѣ (см. XVII, 9)?! Но Господь, полагающій Свою славу наиболѣе въ помилованіи людей, а не въ строгой точности исполненія Своихъ грозныхъ приговоровъ, какъ знаемъ изъ кн. пророка Іоны,—ждетъ для помилованія и уцелренія нашего только того, чтобы мы, подобно Ниневитянамъ, вразумились въ Его истинѣ и правдѣ. И только въ случаѣ рѣшительной неисправности и нераскаянности, неминуемо и непреложно страшное осужденіе людей, отвергшихъ Христову истину и благодать, и за то по предувѣдѣнію отверженныхъ симъ Агнцемъ Божиимъ уже тогда, когда полагались только основанія сего міра.

Отъ разсмотрѣннаго зрѣлища антихристіанскаго преобладанія, въ мірѣ христіанскомъ,—двухъ звѣрообразныхъ враговъ,—обратимъ испытательное вниманіе на послѣдующее видѣніе явленій, уже свѣтоносныхъ для вѣры и карательныхъ для враговъ (XIV гл.): покажемъ общую связь этихъ явленій съ предшествующимъ зрѣлищемъ, и потомъ будемъ разсматривать каждое изъ этихъ явленій въ особенности.

¹⁾ Выраженіе Мпр. Филарета Москов. на 50-лѣтнемъ его юбилеѣ.

Связь дальнѣйшихъ явленій съ предъидущимъ видѣніемъ двухъ звѣрей, открывается изъ сличенія видѣній между собою. Зрѣлище, двухъ звѣрей, изображаемое въ XIII-й гл. Апокалипсиса, относится къ области *моря*, изъ котораго одинъ изъ нихъ вышелъ, и *земли*, изъ которой вышелъ другой и на которой раскрывались дѣйствія ихъ обоихъ (XIII, 13 и 11). Но на этомъ зрѣлищѣ не видно, что, во время преобладанія звѣрей на землѣ, имѣло происходить на *небѣ* или во внутренней и горней области благодатнаго Царства Христова.

Также въ видѣніи XIII-й гл. показано, какъ растлительно для духа человѣческаго, какъ обширно и неограниченно имѣло быть преобладаніе извѣстныхъ двухъ звѣрей,— или звѣрообразнаго антихристіанскаго разума и его провозвѣстника. Но что имѣлъ Промыслъ Божій противопоставлять гибельному оболъщенію и преобладанію такихъ звѣрообразныхъ враговъ, чѣмъ остерегать людей отъ оболъщенія, чѣмъ ободрять и утѣшать вѣру, „какъ отвергать и карать рѣшительное упорство въ отступленіи отъ христіанства,—ничего такого съ обстоятельностью не раскрыто въ видѣніи XIII-й главы.—Послѣдующее (изображаемое въ XIV-й гл.) видѣніе и восполняетъ этотъ недостатокъ. Въ семъ видѣніи показано, что происходитъ на Сіонѣ Небесномъ (1—5), что изъ горней области неба открывается и разносится по землѣ для разумленія людей въ истинѣ (6—7), чѣмъ ободряется вѣра и карается упорное нечестіе (8—13), какъ преграждается ужасное преспѣваніе погибельнаго оболъщенія (14—20). Итакъ связь между видѣніями XIII-й и XIV-й главъ есть связь двухъ сторонъ однихъ и тѣхъ же временъ въ судьбахъ Церкви и міра. Въ продолженіи тѣхъ же временъ куда преобладаніе лжеименнаго разума и литературы вольнодумнаго просвѣщенія Западнаго имѣло проявляться по предначертанію предъидущаго видѣнія (XIII-й гл.),—въ продолженіи тѣхъ же временъ съ другой стороны должны осуществляться и раскрываться свѣтлыя явленія, назnaменованныя въ послѣдующемъ видѣніи (въ XIV-й гл.).

Будемъ теперь изъяснять каждое изъ сихъ явленій въ особенности:

Первое явленіе такое: и *видѣлъ*, говоритъ Іоаннъ Бого-словъ, *и се Агнецъ стоя на горѣ Сіонстѣй, и съ Нимъ сто*

и четьредесять и четьре тысящи, и муще имя Отца Его написано на челѣхъ своихъ. И слышахъ гласъ съ небесе яко гласъ водѣ многихъ, и яко гласъ грома велика; и гласъ слышахъ гудецъ гудущихъ въ гусли своя, и поющихъ яко пѣснь нову предѣ Престоломъ и предѣ четьри животными и старцы: и никтоже можаше навькнути пѣсни, токмо сѣи сто и четьредесять четьре тысящи искуплени отъ земли. Сѣи суть, иже съ женами не осквернишася: зане двѣственницы суть: сѣи послѣдуютъ Агнцу, аможе аще идетъ: сѣи суть куплени отъ людей первенцы Богу и Агнцу: и во устѣхъ ихъ не обрѣтеся леть: безъ порока бо суть предѣ престоломъ Божиимъ (1—5). При разсмотрѣніи сего явленія, какъ и дальнѣйшихъ, будемъ слѣдовать общему, принятому нами въ изъясненіи, правилу—отъ частныхъ восходить къ общему.

Видѣнная Тайнозрителемъ гора Сіонская, на которой стоитъ Агнецъ съ имѣющими имя Отца Его написано на челѣхъ своихъ, есть безъ сомнѣнія та самая духовно - благодатная Сіонская гора, о которой говоритъ Апостоль Павелъ въ слѣдующихъ словахъ: *приступисте къ Сіонстѣй горѣ и ко граду Бога живаго Иерусалиму небесному... и духомъ праведникъ совершенныхъ, и къ Ходатаю завѣта новаго Иисусу и крови кропленія* (Евр. XII, 22—24). Это есть святая Христова Церковь, разсматриваемая съ той горней своей стороны, что въ ней пребываетъ Своею благодатію Агнецъ Божій — Господь Иисусъ, дающій истинно-вѣрующимъ въ Него *область чадами Божиими быти*, благодатно отображающими въ себѣ Его Самого, а въ Немъ и совершенства Отца Небеснаго и духовно возвышающимися надъ мірскимъ растлѣніемъ къ жительству небесному, предѣ престоломъ Самого Бога (ст. 4). Явленіе же Церкви подѣ видомъ и съ названіемъ горы Сіона, въ противоположность разливу звѣринаго обольщенія по всей землѣ, изображеннаго непосредственно выше сего, означаетъ, что, сколь ни сильно и обширно имѣло быть царство боготворимаго звѣрообразнаго разума и вольномысленнаго слова, святая Церковь должна была остаться превознесенною надъ земнымъ зломудріемъ и непоколебимою во вѣки, *яко гора Сіонъ* (по псаломскому слову), и не оскудѣвающейе духовно-здравыми и благодатно-могущественными членами своими. Эти святые избранники находятся съ Агнцемъ, какъ водшіеся правымъ и человѣколюбивымъ

Его духомъ или, какъ далѣе сказано, *слѣдующіе за Агнцемъ, а може аще поидетъ*. На ихъ челѣ начертано имя Отца Небеснаго, потому что умъ ихъ, владычественный надъ всѣми силами ихъ души и всего существа, водружаясь во Христѣ—тихомъ свѣтѣ Отца Небеснаго, чрезъ это устремляется къ Самому Отцу и свѣтитса Его сіяніемъ по благодати Св. Духа.

Самое число находящихся съ Агнцемъ—*сто и четыредесять и четыре тысячи* весьма знаменательно. Въ VІІ-й главѣ изображено явленіе одного Ангела, *восходящаго отъ востока солнечнаго съ печатію Бога живаго*, которою и запечатлѣны были на челъхъ своихъ рабы Бога нашего числомъ *сто четыредесять четыре тысячи отъ всякаго колѣна сыновъ Израилевыхъ* (2—4). Очевидно, что это явленіе имѣетъ соотвѣтствіе и сходство съ зрѣлищемъ также *ста четыредесяти и четырехъ тысячъ, имущихъ имя Отца Агнчаго на челъхъ своихъ*. Но мы при разсмотрѣніи VІІ-й главы (ст. 4) видѣли, что *сто и четыредесять четыре тысячи* запечатлѣнныхъ означаютъ остатокъ избранныхъ и спасаемыхъ изъ Израильскаго народа, наибольшую частію уже отверженнаго. Отсюда видно, во-1-хъ, что во время преобладанія звѣрообразнаго разума и слова, и въ новомъ Израилѣ—въ христіанскомъ мірѣ—истинно спасаемыхъ имѣлъ быть только *остатокъ*. И въ самомъ дѣлѣ, когда столь многіе, какъ показано въ предыдущей главѣ, или въ образѣ мыслей или въ правилахъ и образѣ внѣшней дѣятельности будутъ руководиться не Христовою благодатію и истиною, а самомнѣніемъ и расчетами своего разума и правилами ложнаго, оправдывающаго нехристіанскія идеи, грѣховныя страсти и обычаи, образованія; то это и составляетъ одну изъ главныхъ причинъ, почему истинныхъ христіанъ, истинныхъ чадъ Отца Небеснаго останется изъ всего христіанскаго міра не болѣе того числа, сколько, при распространеніи христіанства, изъ Израильскаго народа, отвергнутаго благодатію за невѣріе, оставалось вѣрующихъ и спасаемыхъ; хотя и сего остатка не кланяющихся новому Ваалу будетъ сто сорокъ четыре тысячи. И слѣдовательно нѣтъ мѣста мысли объ оскуднѣніи вѣры и Церкви и въ столь темный періодъ, господствующаго въ Христіанскомъ мірѣ, отступничества отъ Христова духа,—какъ думаютъ, напр., наши раскольники. Но когда, тѣмъ не ме-

нѣе и новый Израиль представляетъ, по откровенію Сердцевѣдца, избранныхъ Божіихъ, или совершенно здравыхъ и вѣрныхъ членовъ Христова тѣла Церкви, уже нисколько не болѣе того, сколько, при первоначальномъ распространеніи христіанства, далъ ему избранныхъ изъ себя древній Израиль, увлеченный отъ Христа, въ своемъ большинствѣ, именно чрезъ мертвое и рабское направленіе своего іудейства, которымъ не только открывался удобный доступъ къ чадамъ Израиля—языческому духу (напр. Саддукеевъ и Иродіанъ), но убивалась сила и спасительный духъ самыхъ теократическихъ учрежденій, преданій и даже откровеній подзаконныхъ: то во-2-хъ эта самая цифра избранныхъ изъ всего новаго Израиля—144000—тождественная съ числомъ останка избранныхъ изъ Іудеевъ, въ большинствѣ своемъ отпадшихъ отъ Христа, вопіеть христіанамъ, даже православнымъ, что, видно, многіе и изъ нихъ дали мѣсто у себя равно-іудейскому духу самой вѣры, обезсиляющему христіанскія учрежденія и истины, дѣлающему самую ревность по вѣрѣ жестокою и неразумною, и такимъ образомъ, вызывающему и поддерживающему обольстительную силу духовнаго язычества, разливъ котораго изображенъ и нами уже разсмотрѣнъ въ предъидущей главѣ (XIII-й). И это составляетъ другую, особенно глубокую, причину того, что избранныхъ изъ самихъ христіанъ обрѣтается, увы, только остатокъ, равняющійся остатку спасенныхъ изъ Іудеевъ, при отверженіи невѣрнаго ихъ большинства: это—духовное іудейство, вторгшееся въ область христіанства, т. е. такое направленіе христіанства, которое обращаетъ его только въ букву, или форму бездушную и жесткую. И въ самомъ дѣлѣ, какъ не умалиться изъ прежней неисчислимости (см. VII, 9), до ограниченнаго остатка числа избранныхъ, находящихся съ Агнцемъ, когда не только прямо отступающіе отъ Христа идолопоклонники разума и страстей, но и отдаляющіеся отъ духа и настроенія Агнчей любви, вземлющей на себя грѣхи заблуждающаго міра,—находятся равно уже не съ Агнцемъ? Какъ въ послѣднее время мало такихъ христіанъ, которые на *челахъ своихъ*, этомъ органѣ или сѣдалищѣ владычественной силы нашего духа—ума, не только чужды были бы всякаго отпечатка или оттѣнка невѣрующаго Христу разума, но и свѣтились бы пменемъ Отца

Агнчаго, простирающаго милосердную любовь и на гибнущихъ въ грѣхахъ и заблужденіяхъ, — свѣтлѣли бы живою и человѣколюбивою христіанскою разумностію!!

Гласъ съ небесе, яко гласъ водъ многихъ, и яко гласъ грома велика, и гласъ гудецъ гудящихъ въ гусли своя, слышанный Тайнозрителемъ должно разумѣть, конечно, въ смыслѣ духовномъ, какъ проходящій въ небеса гласъ вѣры, упованія и любви воспѣвающихъ и поющихъ въ сердцахъ (а иногда вмѣстѣ и въ устахъ) своихъ Господу. Такая чрезвычайная сила и торжественность гласа истинныхъ вѣрующихъ, яко гласа водъ многихъ и яко гласа грома велика, и такая стройность и сладость онаго, какъ гласа играющихъ на гусяхъ своихъ особенно знаменательны по противоположности хуламъ звѣрообразнаго разума и кличу поклонниковъ его: *кто подобенъ сему звѣрю, и кто можетъ ратоватися съ нимъ?* Между тѣмъ какъ эти горделивые возгласы могли быть болѣе или менѣе слышными во всякомъ колѣнѣ и языцѣхъ и племенѣхъ, и достойно приступившіе къ Іерусалиму Небесному составляютъ только остатокъ изъ Новаго Израиля—міра христіанскаго: въ благодатномъ небѣ Православной Церкви все-же не чувствуется пустоты, лишенія, недостатка способовъ и орудій благодати,—какъ клеветуютъ на нее раскольники, а напротивъ съ торжествомъ отъ полноты духовной раздается *гласъ, яко гласъ водъ многихъ, и яко гласъ грома велика и гласъ... гудящихъ въ гусли своя и поющихъ...*

И поющихъ яко пѣснь нову. Въ подлинникѣ „*ἄδονον*“ „и поютъ пѣснь какъ-бы новую“. Кто? Изъ связи рѣчи видно, что это суть сто сорокъ четыре тысячи пребывающихъ съ Агнцемъ на Сіонской горѣ: ибо и выше и ниже рѣчь идетъ собственно о нихъ. Общее значеніе пѣсни, ими воспѣваемой, понятно уже изъ сдѣланнаго нами сейчасъ изъясненія *гласа съ небеси*: это—пѣснь вѣры, любви и упованія, воспѣваемая избранными въ сердцахъ своихъ Господу,—пѣснь духовнаго ихъ совершенства, воспѣваемая всею ихъ жизнію. (Такъ въ образѣ нашей рѣчи выраженіе „спѣть свою пѣсню“ употребляется въ смыслѣ всего дѣла жизни).—А что эта пѣснь называется *какъ-бы новою*, это объясняется отчасти изъ связи рѣчи, отчасти изъ употребленія этого-же названія въ другихъ мѣстахъ Св. Писанія, отчасти изъ самаго значенія этого названія „новой пѣсни“. Такъ въ связи рѣчи ска-

зано, что этой пѣсни никто не могъ научиться кромѣ самихъ поющихъ ста сорока четырехъ тысячъ избранныхъ. Отсюда видно, что она названа „какъ бы новою“ въ отноше-
 нии къ своей необычайности или малоизвѣстности; ибо кромѣ извѣстнаго числа избранныхъ никто не занимался по надле-
 жащему Божественнымъ, и потому никто не могъ на-
 учиться духовнымъ пѣснопѣніямъ, воспѣваемымъ избран-
 ными въ сердцахъ своихъ Господеви. Въ другихъ мѣстахъ
 Священнаго Писанія называется *новою* пѣснь по превосход-
 ству торжественная, воспѣваемая предъ Богомъ по случаю
 новыхъ или же чрезвычайныхъ Его благодѣяній. Такъ въ
 143-мъ псалмѣ Давидъ воспѣваетъ *пѣснь нову* Богу, какъ *даю-*
щему спасеніе Своимъ *царемъ*, и именно самого Давида *из-*
бавляющему отъ меча (ст. 9—10). Сообразимъ это съ тѣмъ,
 въ разсматриваемомъ видѣніи, обстоятельствомъ, что пѣснь
яко новая воспѣвается во время чрезвычайнаго усиленія
 звѣрообразныхъ враговъ, изображеннаго въ предъидущей
 главѣ; и отсюда можемъ понять, что сто сорокъ четыре ты-
 сячи избранныхъ славятъ Господа съ сугубою, самую живую
 силою за великое чудо Его силы, премудрости и милости,
 сдѣлавшей лютыхъ и преобладающихъ враговъ совершенно
 ничего не значущими для избранныхъ. Наконецъ, когда
 пѣснь, воспѣваемая истинными чадами духовно-благодатнаго
 Сіона, называется не просто новою, но только *яко* или
 „какъ-бы“ *новою*: то видно, что она по своему существу от-
 нюдь не есть новая, но, будучи всегда свойственною истин-
 ному христіанству, только нѣкоторымъ образомъ видоизмѣ-
 нилась какъ бы въ своемъ выраженіи соотвѣтственно но-
 вымъ обстоятельствамъ и нуждамъ вѣры. Именно: такое
 духовное совершенство, чтобы съ силою отражать всякое
 прираженіе противоцерковнаго и противохристіанскаго духа
 времени и однако удержаться съ *Агнецемъ*, въ духѣ Его са-
 мопожертвованія за самихъ заблуждающихъ, чтобы отда-
 ляться и отъ лжеименнаго знанія и однако имѣть *чело*, свѣ-
 тящееся живую и человѣколюбивую разумностію и любозна-
 тельностію, внимающею всеобъемлющему Духу Всевышняго
Отца, чтобы мыслію и жизнию выдерживать, противъ духов-
 наго язычества, каждую іоту и черту православія, но,
 вопреки духовному іудейству, выдерживать это въ самой
 силѣ и духѣ, разумно усвояемыхъ и проводимыхъ во

все жизненное и мыслимое,—это составляет духовную пѣснь, дѣйствительно, съ новымъ своеобразнымъ выраженіемъ...

Пѣснь „какъ-бы новая“ воспѣвается *предъ Престоломъ и предъ четырьмя животными и старцы*. Каждое изъ сихъ понятій уже было раскрыто прежде (см. IV гл.) въ своемъ значеніи. *Престоль*—это есть удободоступный для истинной вѣры престоль благодати или любви Божіей, открывшей во Христѣ всѣ спасительныя свои сокровища и блага въ силѣ и дарованіяхъ Св. Духа. *Четыри животныя* представляютъ открытый въ Четверо-евангеліи Серафимо-херувимскій духъ созерцанія событій, дѣлъ и ученія лично самого Христа-Богочеловѣка. *Старцы*—это всѣ священ. новозавѣтныя книги, взятая не просто въ своемъ письмени (ибо Новый Завѣтъ тѣмъ и отличается отъ Ветхаго, что есть Завѣтъ не *письмени*, но *Духа* благодати, начертывающаго слово Божіе въ самыхъ сердцахъ), а въ благодатномъ духѣ и силѣ своей, отпечатлѣвающихся въ вѣрующихъ душахъ или *на сжимаемыхъ сердца плотяныхъ*, при тайноводственномъ служеніи священства, и неизмѣнно переходящихъ путемъ живого преданія изъ рода въ родъ. Итакъ значеніе воспѣванія *предъ Престоломъ и предъ четырьмя животными и старцами* таково: „избранные Божіи на Сіонѣ Православной Церкви поютъ Богу чудную своеобразную пѣснь духовнаго своего совершенства,—съ сыновнею свободою приступая къ престолу Благодати для принятія благовременной помощи изъ сокровищъ Божіей во Христѣ любви, проникая Серафимо-херувимскимъ созерцаніемъ къ неизслѣдимой тайнѣ Боговочеловѣченія, хожденія Самого Бога въ плоти на землѣ, Божественныхъ Его дѣлъ и обстоятельствъ, гоненія на Него отъ человѣческой злобы, смерти Его за грѣшныхъ и воскресенія и превознесенія Его Богочеловѣчества,—исполняясь и водясь духомъ истины Христовой, какъ она открыта въ Новомъ Завѣтѣ, неизмѣнно переходящемъ изъ рода въ родъ не просто въ письмени извѣстныхъ св. книгъ, но чрезъ раскрытіе самой ихъ силы въ вѣрующихъ сердцахъ и душахъ, при служеніи тому благодатнаго священства“. Вообще сказать: сто сорокъ четыре тысячи Сіонянъ въ самомъ дѣйстви являютъ то, что заповѣдалъ Апостоль Павелъ: *слово Христово да вселяется въ васъ богато, во всякой премудрости учаще и вра-*

зумляюще себе самихъ, во псалмѣхъ и пѣннѣхъ и пѣсняхъ духовныхъ, во благодати поюще въ сердцахъ вашихъ Господеву (Кол. III, 16).

И никтоже можаше навѣжнуть пѣсни, токмо сѣи сто сорокъ четыре тысячи искупленнѣ отъ земли. И въ самомъ дѣлѣ, кому кромѣ нихъ самихъ понимать и перенимать небесную пѣснь духовнаго ихъ совершенства? Одни увлекаются духомъ язычества,—кланаясь звѣрообразному разуму глаголюще: кто подобенъ звѣрю? и кто можетъ ратоватися съ нимъ? какъ сказано выше (XIII, 3—4); другіе же спотыкаются или впадаютъ въ нѣкоторый родъ духовнаго іудейства, въ пристрастіе главнымъ образомъ къ буквѣ и внѣшнимъ формамъ вѣры, но не имѣють великодушія и твердости вѣры рѣшительно предаться Христову духу правому, человѣколюбивому, всеобъемлющему, и потому также не могутъ возвышаться до духовнаго благодатнаго состоянія этого избраннаго останка Новаго Израиля, ста и сорока и сорокъ тысячъ истинныхъ чадъ горняго Сіона. Одни прямо отступаютъ отъ Агнца, другіе не хотятъ входить, съ этими избранными, въ духъ Агнчей любви и къ заблуждающимъ. Впрочемъ названіе избраннаго останка искупленными отъ земли и далѣе (ст. 4) первенцами показываетъ, что не ими одними ограничивался составъ Православной Церкви, а только они одни были истинными ея чадами, истинными и совершенными христіанами, подобно какъ въ Вѣхомъ Завѣтѣ первенцы, искупленные—какъ особенная собственность Божія,—не составляли всего народа Израильскаго, а были только святыми Богу. Само собою разумѣется, что это замѣчаніе сдѣлано не въ оправданіе мнимыхъ или упорно-нерадивыхъ христіанъ.

Сѣи суть, иже съ женами не осквернишися. Таковы собственно дѣвственники, какъ и присовокуплено за сѣмъ: зане дѣвственницы суть. Впрочемъ такъ какъ честенъ бракъ и ложе законнаго супружества нескверно, по слову Божію: то понятно, что подъ неосквернившимися съ женами дѣвственниками разумѣются не только проводящіе ради Христа дѣвственную жизнь въ особенно тѣсномъ смыслѣ слова, но и такіе избранные Божіи, которые и послѣ супружества и даже въ супружествѣ уцѣломудрились въ душѣ до совершенной чистоты и святости.

Сии послѣдуютъ Агнцу, а може аще поидеть. Въ этомъ и состоитъ духъ истиннаго христіанства, чтобы управляться не своими мыслями и своеволіемъ, но Христовою истинною и благодатію, чтобы слѣдовать Христову примѣру и влеченію Христова духа, всеправаго и человѣколюбиваго до самопожертвованія за грѣшныхъ и заблуждающихъ людей. Въ особенности слова объ Агнцѣ; *а може аще поидеть*, показываютъ, что Христось, слышимо или ощутительно для истинной вѣры и чистоты духовной, многообразно видоизмѣняетъ благодатные свои пути ко спасенію людей; и вѣрныя и послушныя Ему души всегда идутъ по Его путямъ, какъ - бы иногда странными ни казались слѣпому и нечестивому міру эти духовно-благодатные пути Христовы для спасенія грѣшныхъ людей, за которыхъ Онъ умеръ.

Сии суть куплены отъ людей первенцы Богу и Агнцу: первородные сыны Ветхаго Израиля были святы Богу и искупались жертвами, во образъ Святаго Святыхъ, *первороденнаго всея твари* и Первороднаго изъ мертвыхъ, Агнца Божія Христа. Сообразующіеся и сообщающіеся Единородному благодатію Святаго Духа чрезъ истинную вѣру, чада Новаго Сіона оказываются чрезъ это духовными первенцами Новаго Израиля, поистинѣ усвояющими себѣ благодать искупленія, совершеннаго Христомъ, входящими въ духъ искупительнаго самопожертвованія Его за міръ, и составляющими поэтому истинную и драгоцѣнную собственность Божію, приобрѣтенную человѣколюбіемъ Искупителя.

И во устѣхъ ихъ не обрѣтется лъсть, или лукавство, какъ и въ Первообразѣ и Освятителѣ ихъ Христѣ.

Безъ порока бо суть предъ Престоломъ Божіимъ, какъ совершенные праведники, открытымъ лицемъ взирающіе вѣрою, или лучше созерцательною любовію, на благодать и славу Божію во Христѣ, *въ тойже образъ образуясь, восходя отъ славы въ славу, якоже отъ Господня Духа* (2 Кор. III, 18).

Итакъ общее значеніе перваго явленія есть слѣдующее.— „Сколь ни обширно будетъ въ мірѣ христіанскомъ оболъщеніе отъ лжеименнаго разума и знанія, воспроизводящее духовно древнее преобладаніе язычества надъ міромъ; однако, какъ во Израилѣ во времена Иліи пророка, въ темное время

преобладанія сихъ враговъ никакъ не оскудѣтъ на Сіонѣ Православной Церкви останокъ (достаточно наполняющій ее) такихъ святыхъ Божіихъ, которые, въ обличеніе и вразумленіе поклонниковъ разума, сіяютъ прямо противоположными ихъ свойствамъ совершенствами. Поклонники разума слѣдуютъ звѣрекому направленію: Сіоняне Православной Церкви всегда находятся съ Агнцемъ Божіимъ Богочеловѣкомъ, собою пожертвовавшимъ за людей. Въ образѣ звѣря лжеименнаго разума видна обольстительность *барса*: у стоящихъ на Сіонстѣй горѣ не обрѣтется леств. У звѣря: *а ноги яко медвѣдя*: а эти избранные *дѣвственницы суть*. У звѣровиднаго врага *уста яко львовы*, а эти послѣдуютъ кроткому челоуѣколюбивому Агнцу, куда Онъ ни пойдетъ. Послѣдователи самообоготвореннаго разума заклеены, на челахъ или на десницахъ своихъ, начертаніемъ этого звѣря, а избранные Божіи запечатлѣны на челахъ своихъ именемъ Отца Небеснаго. Тѣ въ гордыни обоготвореннаго разума кричатъ: *кто подобенъ семи звѣрю.—кто можетъ ратоваться съ нимъ?* А истинныя чада Православнаго Сіона, вразумляясь и животворяясь словомъ Христовой истины и благодати, всегда духомъ своимъ предстоятъ престолу Благодати. *востающе и поюще въ сердцахъ своихъ Господеви*. Но съ другой стороны число избранныхъ новаго всемірнаго Израиля, дѣйствительно, оскудѣло до того, что равняется лишь остатку избранныхъ вѣрующихъ Христу изъ ветхаго Израиля, въ большинствѣ воспротивившагося Евангелію. До такой мертвости изветшавшаго іудейства имѣло упасть во многихъ самое христіанство! Противъ этого однако устоитъ остатокъ избранныхъ на благодатномъ Сіонѣ, держась духа Агнца Божія—Христа и оберегаясь отъ умственной косности живою мыслию о Небесномъ всеобъемлющемъ Отцѣ и так. обр. воспѣвая свою какъ-бы новую духовную пѣснь совершенства и чистоты, направленную противъ духовнаго и язычества, и іудейства, но за то и никѣмъ не перенимаемую, кромѣ самихъ этихъ избранныхъ“. Что дѣйствительно, въ періодъ преобладанія отступнической вѣры въ разумъ и вообще отпаденія въ образѣ мыслей или дѣлъ отъ Христова духа и истины, истинно спасаемыхъ обрѣтается только остатокъ, вотъ знаменательное свидѣтельство о семъ блаженной памяти Платона Митрополита Московскаго: „*вѣра очень ослабла, со-*

стоит она или въ невѣжествѣ, или въ суетвѣри, или въ невѣрїи. А прямыхъ и просвѣщенныхъ христіанъ Единъ Богъ въдаетъ, колѣкое число! (изъ его автобіографїи въ рукописи). Еще одинъ изъ избранныхъ Божїихъ сравнивалъ число спасаемыхъ съ остаткомъ такихъ людей, которые изъ чрезвычайнаго многочеловѣчества, напр., въ торжественныхъ процессїяхъ, принуждены бывають возвратиться въ дома свои по случайному напр. забвенїю чего либо нужнаго. Но что тѣмъ не менѣе и въ такихъ духовно-темныхъ вѣкахъ, каковы XVII и особенно XVIII, не оскудѣвалъ въ Сїонѣ Православной Церкви останокъ совершенныхъ праведниковъ и именно провождающихъ духовно-дѣвственную жизнь, это доказывается процвѣтанїемъ и въ сіе время монашества на Аѳонѣ, и особенно въ XVIII вѣкѣ, подвижничествомъ такихъ избранныхъ, каковы были, съ тысячами своихъ вѣрныхъ учениковъ, Паисїй Величковскїй, и прославленную святостїю святителей Иннокентїя Иркутскаго, Димитрія Ростовскаго, Митрофана Воронежскаго, Тихона Задонскаго. Своеобразность духовной „пѣсни“ вѣры и правды, оказавшаяся особенно въ это время, видна изъ того, что напр. св. Митрофанъ помогаль своею казною Петру Великому строить корабли, не терпя однако у него-же языческихъ статуй, и св. Димитрій не усумнился примѣнить къ державѣ того-же Государя извѣстныхъ Серафимо-херувимскихъ животныхъ— льва, тельца, человѣка, орла, разумѣя, конечно, въ православной державѣ дѣйствующія силы вседержавной благодати Христовой ¹⁾, а св. Тихонъ вообще сокровище духовное собираль отъ міра ²⁾. Торжественные звуки такой пѣсни святыхъ слышатся доннѣ въ отечественномъ православно-церковномъ Богослуженїи; именно въ церковномъ благодаренїи за побѣды надъ Шведами созерцается въ этомъ низложенїи враждебныхъ силъ Запада торжество благодатно свѣтлующаго Новаго Іерусалима ³⁾. Какъ подобной, „какъ-бы новой пѣсни“ мало навывкають у насъ, открывається особенно изъ того, что и доннѣ еще, кто ревнуетъ о духовномъ, боль-

¹⁾ Смотри 1 томъ сочин. св. Димитрія. Рѣчь его къ Петру.

²⁾ Извѣстно между его сочиненїями „Сокровище духовное, отъ міра собираемое“.

³⁾ Смотри церковную службу въ день побѣды подъ Полтавою.

шею частію пренебрегаетъ и даже только осуждаетъ земное и мірское, а занимающіеся этимъ послѣднимъ небрегутъ и совсѣмъ бросаютъ духовное...

Перейдемъ къ разсмотрѣнію другого явленія, противопологаемаго усиленію губительнаго оболъщенія въ мірѣ христіанскомъ.

И видѣхъ иного Ангела паряща посредѣ небесе, имущаго Евангеліе вѣчно благовѣстити живущимъ на земли и всякому племени и языку и колену и людемъ, глаголюща гласомъ великимъ: убойтесе Бога и дадите Ему славу, яко пріиде часъ суда Его: и поклонитесе Сотворшему небо и землю и море и источники водныя (ст. 6—7).

И видѣхъ иного Ангела. Но выше Іоаннъ видѣлъ не Ангела, въ смыслѣ обыкновенномъ, а Самого Агнца Божія Христа съ Своими избранными. Когда-же тѣмъ не менѣе, не указавъ выше ни на какого Ангела, а только на Агнца, Тайнозритель сейчасъ же затѣмъ говоритъ объ *иномъ Ангелѣ*, то видно, что и выше Іоаннъ Богословъ созерцалъ Агнца, какъ *Ангела лица Божія, Ангела совѣта* въ нѣдрахъ Предвѣчнаго Божества, давая намъ черезъ это разумѣть, что Хранитель и Вождь Сіона Православной Церкви есть лично Самъ Господь, всѣмъ Самъ распоряжающій здѣсь Своею благодатію. Теперь же онъ видитъ еще *инаго* Вышняго распорядителя или дѣятеля въ христіанствѣ: *и видѣхъ инаго Ангела*. Кто этотъ Ангелъ? Изъ того, что этотъ Ангелъ счисляется далѣе уже не съ Агнцемъ, а съ являющимися за нимъ Ангелами *другимъ и третьимъ* (ст. 8 и 9), видно, что этотъ *иный Ангелъ* принадлежитъ къ созданнымъ и служебнымъ духамъ. А изъ того, что онъ названъ здѣсь (6 ст.) *инымъ* въ сравненіи съ Агнцемъ-Христомъ, видно, что онъ представляетъ собою *инаго* Высочайшаго провозвѣстника и посланника, дѣйствуя Его силою и дарами. Таковъ собственно есть Духъ Святой, по слову Самого Христа: *и инаго Утѣшителя дастъ вамъ*. И нѣтъ ничего страннаго въ томъ, что созданный Ангелъ созерцаемъ былъ, какъ представитель или точнѣе проявитель Бога Святаго Духа: потому что еще въ Ветхомъ Завѣтѣ и именно въ Богоявленіи Мамврійскомъ изъ трехъ Лицъ Богоявленія, двое посылаемые отъ перваго, каковы въ Пресвятой Троицѣ суть единородный Сынъ и Святой Духъ, названы также Ангелами (Быт. XIX, 1—13 сл. XVIII, 1—2).

Столь высокознаменательнаго Ангела Іоаннь видѣль *нарящимъ посредѣ небесе (ἐν μεσοσφαιῶναι)* и *имущимъ Евангеліе вѣчно благовѣстити живущимъ на земли и всякому племени и языку и колѣну и людемъ*. Отсюда въ дополненіе къ предъидущему открывается, что этотъ Ангель есть служитель и распорядитель благовѣстія христіанскаго, дѣйствующій силою и дарами Святаго Духа, возбуждающій и укрѣпляющій земныхъ служителей Слова чрезъ вліяніе или какъ-бы навѣваніе на нихъ Духа истины. Онъ *паритъ посредѣ небесъ*, конечно духовныхъ: ибо Утѣшитель Духъ истины, дѣйствующій чрезъ сего Ангела, есть *Царь Небесный*, какъ поется въ церковной пѣсни, или верховный Властитель надъ самыми сердцами всѣхъ возвышающихся къ небесному жителству, каковы суть не только избранные въ Православной Церкви, но и остатокъ ея сѣмени въ неправославныхъ христіанскихъ обществахъ. И дѣйствительно, Ангель вѣчнаго Евангелія имѣеть своимъ назначеніемъ *благовѣстити оное живущимъ на земли и всякому племени, и языку, и колѣну и людемъ*. Это значить, что этотъ безплотный Духоносный служитель Евангелія простираетъ свѣтъ Евангелія отъ *неби Церкви и вѣры до земли гражданства или всего политическаго міра*. Так. обр. въ то время, какъ звѣрообразному разуму дана *бышь область на всякомъ колѣнѣ (людей) и на языцѣхъ и племенѣхъ, и поклонятся ему вси живущи на земли* (XIII, 7—8),—съ своей стороны безплотный служитель Евангелія силою Святаго Духа (при посредствѣ, разумѣется, благопотребныхъ на то орудій изъ людей) долженъ былъ столько усилить и распространить способы благовѣстія христіанскаго, чтобы могли оное слышать, если захотѣли бы, также всѣ *живущи на земли, и всякое племя и языкъ и колѣно*.

Ангель благовѣстія, видѣнный Іоанномъ, *глаголаъ гласомъ великимъ: убойтеса Бога, и дадите Ему славу, яко прїиде (ἦλθεν) часъ суда Его; и поклонитеса Сотворившему небо и землю и море и источнику водныхъ*. Всѣ частныя здѣсь понятія или яены сами по себѣ или изъяснены нами въ предъидущихъ изслѣдованіяхъ. Общій смыслъ выходитъ слѣдующій: во время усиленія суемудрія или вообще отступничества многихъ христіанъ отъ духа Христова, проповѣдь Евангельская, по служебному распоряженію особеннаго Ангела, имѣла быть

Духомъ Святымъ направлена къ возбужденію страха Божія и вообще благоговѣйной вѣры въ истиннаго Бога, каковъ Единъ Христіанскій,—внушать трепеть Его суда, неминуемо постигающаго нечестіе,—убѣждать, что все и въ мірѣ видимомъ, и въ изображаемомъ онымъ (по Апокалипсическому воззрѣнію на предметы видимой природы) мірѣ нравственнымъ зависитъ отъ Единого творческаго начала—Христа Бога, что Онъ есть Всевластный Устроитель и *Неба*—Церкви со всѣми способами истиннаго просвѣщенія, и *земли*—гражданскихъ порядковъ, и *моря*—событій и видоизмѣненій волнующагося міра и жизни, и *водныхъ источниковъ* всего ободряющаго и освѣжающаго жизнь человѣческую. (Ибо таково значеніе каждаго изъ сихъ частныхъ понятій—неба, земли и проч., какъ выше уже были случаи для насъ видѣть это).—Все это и требовалось раскрывать въ Евангельской проповѣди противъ оболъщенія звѣрообразнаго разума и мнимой образованности, полагающей звѣриный отпечатокъ на каждомъ, кто бы хотя сколько нибудь коснулся оной.

Общій смыслъ всего изъясненнаго явленія утверждается для насъ чрезъ самое уже исполненіе этого пророчесвеннаго видѣнія.

Съ усиленіемъ вѣры въ человѣческой разумъ и распространеніемъ антихристіанской образованности, дѣйствительно усилились и распространились въ Православной Церкви способы Евангельской проповѣди чрезъ самое образованіе служителей и пастырей Церкви. Ибо хотя бы случалось, что православный проповѣдникъ Христовой истины былъ самъ нечистъ и потому проповѣдывалъ *не чисто*, не отъ чистаго сердца; тѣмъ не менѣе взятое изъ слова Божія ученіе въ устахъ его: *убойтеся Бога, дадите Ему славу*, вспомните всегда готовый *часъ суда Его, поклонитесь Христу Богу*, Основанію и Началу всего сущаго, истиннаго, добраго и прекраснаго и т. под.—есть для вѣры, взирающей не на сосудъ, а на существо Христовой истины и благодати, слово Ангела Духоноснаго или слово Самого Духа Божія, глаголющаго устами Ангельскими, гласомъ великимъ противъ современной лести отступническаго разума или только мертваго, ложнаго христіанства. Не говоримъ уже о достойныхъ и Богопросвѣщенныхъ, по чистотѣ духовной, служителяхъ Слова и пастыряхъ Церкви, въ которыхъ, можно сказать, какъ-бы видимъ

становится парящій горѣ Ангель-благовѣстникъ и въ ученіи которыхъ такъ ощутительно помазаніе Св. Духа: таковы, напр., отечественные святые учителя наши—святители Димитрій и Тихонъ. Но и внѣ внѣшнихъ предѣловъ Православной Церкви, на самомъ Западѣ къ тому самому времени, когда уже готово было суемудріе разрѣшиться самыми адскими хулами и самымъ безбожнымъ нечестіемъ, и притомъ особенно въ той самой странѣ, которая начинала уже господствовать надъ міромъ въ отношеніи къ духу невѣрія и наружнаго блеска образованности, небесный Ангель, повсюду озирающій и направляющій къ свѣту Христову все скольконибудь возвышающееся надъ земнымъ или мірскимъ растлѣніемъ, воздвигъ силою Духа истины такихъ, неоспоримо велегласныхъ, проповѣдниковъ Евангелія, каковы Боссоетъ, Бурдалу, Массильонъ, Фенелонъ и другіе. Направленіе ихъ проповѣди, соотвѣтственное нуждамъ времени, дѣйствительно таково, какое предугазано въ глаголахъ Ангела *парящаго посредѣ небесе*. Проповѣдь ихъ, какъ-бы по нарочитому снисхожденію этого Ангела къ пріемлемости Запада—украшенная блескомъ просвѣщенія и провозглашаемая часто предъ царями и ихъ дворомъ и притомъ на языкѣ, начинавшемъ господствовать въ образованномъ мірѣ,—разносилаь удобно по всему Западу и міру. Конечно, совсѣмъ иной вопросъ о плодахъ этой проповѣди въ стремящихся къ суемудрію народахъ. По мѣрѣ сближенія Европы съ новооткрытымъ Свѣтомъ и съ умноженіемъ колоній, въ старомъ и новомъ Свѣтѣ Евангеліе проникало и въ самыя дальнія страны, къ неизвѣстнымъ дотолѣ народамъ и племенамъ. Конечно, оно проповѣдовалось по большей части или папистами, или реформатами въ болѣе или менѣе извращаемомъ неправославіемъ смыслѣ, но существо Евангелія, благовѣствуемаго такимъ образомъ, тѣмъ не менѣе оставалось *вѣчнымъ*, непреложнымъ, находясь въ рукахъ особаго, парящаго посредѣ небесе Ангела. Самое образованіе Запада Ангель вѣчнаго Евангелія подчинялъ цѣлямъ и дѣлу своего служенія; ибо при способахъ образованія, переводили Священное Писаніе на языки разныхъ народовъ, для распространенія слова Божія во всякомъ племени и языкѣ и колѣнѣ. Сверхъ того въ прошедшемъ вѣкѣ и еще ранѣе его сталъ появляться на Западѣ особенный родъ благочестивыхъ твореній, направленныхъ.

противъ усиливавшагося нечестія, проникнутыхъ духомъ покаянія и страха Божія, и особенно грозящихъ живымъ предчувствіемъ очистительнаго суда Божія, хотя по мѣсту своего происхожденія и не чуждыхъ болѣе или менѣе того или другаго заблужденія противъ православія; таковы напр. сочиненія когда-то появлявшіяся и у насъ въ переводѣ. „Таинство Креста“, сочиненія госпожи Гюнъ и другихъ. Такимъ образомъ противъ обольщенія отступничества, распространявшагося всюду, по распоряженію Ангела благовѣстія, внушаемо было также всюду, чтобы не кланялись самообожненному лживому разуму, чтобы Самого Бога Христа боялись и читали, иначе грозный судъ за отступничество готовъ.

Третіе явленіе ко благу вѣры и Церкви: *и инъ Ангелъ въ слѣдѣ иде, глаголя: паде, паде Вавилонъ градъ великій: зане отъ вина ярости любодѣянія своего напои вся языки* (ст. 8).

Прежде всего мы должны здѣсь примѣтить, что этотъ Ангелъ появился уже въ *слѣдѣ* предшествующаго, или послѣ того, какъ открылись дѣйствія и распоряженія Ангела, *имуща Евангеліе вѣчное*; равно и далѣе является Ангелъ также въ *слѣдѣ* идущій за своимъ предшественникомъ. Это показываетъ послѣдовательность или преемственность означаемыхъ сими таинственными явленіями событій. Совѣмъ не таково пребываніе Агнца на Сіонѣ съ Своими избранными и благовѣстіе *вѣчнаго Евангелія* по распоряженію парящаго посредѣ небесе Ангела! То и другое противопоставляется выше изображенному господству звѣрообразныхъ враговъ безъ указанія на свое взаимное преемство, и слѣдовательно то и другое должны продолжаться чрезъ все время продолженія господства лжеименнаго разума и знанія, между тѣмъ какъ дальнѣйшія явленія разныхъ судебъ будутъ смѣняться одно другимъ.

Ангелъ въ слѣдѣ иде, глаголя: паде паде Вавилонъ градъ великій. Эти самыя слова: *паде паде Вавилонъ великій*, съ присоединеніемъ на это одной и той же причины: *зане отъ вина ярости любодѣянія своего напои вся языки*, ниже чрезъ три главы возглашается снова также Ангеломъ (XVIII, 1—2). Это горнее повтореніе одного и того же приговора о паденіи Вавилона весьма знаменательно. По отношенію къ мѣсту, стоящему ниже черезъ три главы, такое повтореніе показываетъ, что паденіе Вавилона, провозглашаемое тамъ снова